

14 ФЕВ 1963

Дневник Искусств **Доброе слово**

КАЖЕТСЯ, что эта смуглая, восточного типа женщина, с выразительными черными глазами, в которых живая мысль вдруг прячется за набегающими всплесками то печали, то радости, прожила жизнь в овейной древними поверьями и легендами Индии и приехала к нам сюда, чтобы поведать о нравах и обычаях этой страны, об ее людях, об их бедах и радостях. Но делает она это не на индийском, а на русском языке. Поражает, прежде всего, достоверность, подлинность того, о чем рассказывает артистка.

А рассказывает она так, будто все эти истории, приключившиеся в далекой Индии с девушкой Мохамайей и юношей Раджибом, судьей Махитмохон Даттом и оболыщенной им Кхиродой, родились не в воображении Рабиндраната Тагора, а произошли на ее, Сусанны Магдесян, глазах, и теперь ей чрезвычайно, бесконечно важно, чтобы об этом узнали присутствующие в зале и взволновались ее мыслями, заразились ее чувствами.

Отсюда покоряющая сила убедительности, ощущаемая в каждом слове артистки, просто не допускающей мысли, что рассказываемое может кому-то показаться не таким важным и значительным, каким представляется оно ей. И действительно, — проходят две-три минуты, и аудитория, из каких бы слушателей она ни состояла — детей, юношей, взрослых, — забыв заботы, и тревоги свои, живет тем, чем живет стоящая на подмостках рассказчица.

Читает она неизменно просто, сдержанно, не прибегая ни

к каким речевым и мимическим ухищрениям. Но вот в глазах Магдесян вспыхивает жесткий фанатичный огонек, лицо на какой-то миг приобретает надменное выражение, в низком голосе появляются нотки холодности и отчужденности, руки ложатся в невидимые карманы, — и перед нами возникает образ брата Махомайи — бесчеловечного фанатика, подавляющего всех своей волей, не задумывающегося бросить на погребальный вдовий костер свою юную сестру за то, что она запятнала честь древнего аристократического рода любовью к простолюдину.

Или другое: на закате дней человек входит в хижину, где более сорока лет назад встречался со своей первой любовью, немолдые глаза его застилают не то непрощенная слеза, не то дымка неизгладимых воспоминаний, — и перед нами герой лиричнеешего рассказа Кришана Чандра «Ночь полнолуния». Мы видим его лицо, разделяем охватившие его чувства...

Эту способность артистки одной-двумя точно найденными и до предела скупыми деталями создавать впечатление о том или ином человеке мы называли бы искусством моментальной портретной живописи.

«Индийские рассказы», как и другие программы Сусанны Магдесян, — не просто удачная подборка классических произведений, а продуманная литературная композиция из рассказов Рабиндраната Тагора, Кришана Чандра, Ходжи Аббаса.

Для каждого из названных авторов артистка находит свой ключ и порой едва заметные, еле уловимые стилиевые оттен-

ки, которые позволяют отличать благородно мудрого Неру от сострадально-мягкого Тагора и их обоих от иронично-грустного Ходжи Аббаса, писательский почерк которого хорошо знаком нам по сценарию кинофильма «Бродяга».

Сусанна Магдесян выступала в различных аудиториях — для учащихся и учителей, для рабочих и научных работников. В каждой ее слушали с неослабевающим интересом, а провозжали словами благодарности и пожеланием новых встреч.

Хотелось, чтобы они оказались «не за горами». В марте отмечается девяностопятилетие А. М. Горького, и две горьковские композиции Сусанны Магдесян — «Жизнь Клим Самгина» и «Сказки об Италии» — придутся как нельзя более кстати.

С. ФИХ.